

И. БЛАШКОВИЧ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

1. В 60-е годы после основания Тюркологического семинара в Карловом университете в Праге (1950 г.) чехословацкая тюркология стала успешно развиваться¹. Новые законы о высшей школе создали условия для развития всех научных дисциплин, в том числе и тюркологии, на широкой основе. Успех работы обеспечивается научно-исследовательскими планами исследовательских и учебных заведений. Коллективные и индивидуальные планы научных работников составлены таким образом, что они представляют собой органическую часть научных планов университета и Академии наук, а также общегосударственного плана научных работ, служат интересам нашего социалистического общества и соответствуют способностям научных сотрудников.

Работы по тюркологии ведутся в трех учреждениях: на Кафедре изучения стран Азии и Африки при философском факультете Карлова университета, в Институте востоковедения ЧСАН (Orientální ústav ČSAV, Прага) и в Кабинете ориенталистики Словацкой Академии наук (Братислава). В Карловом университете штатным работником и руководителем тюркологического сектора является И. Блашкovic, в Институте востоковедения работают тюркологи: Л. Гржебичек, З. Весела, Н. Зимова и И. Шторхова. В Кабинете ориенталистики работают два аспиранта: В. Копчан и К. Целнарова. Все это выпускники философского факультета Карлова университета. Помимо этих трех центров тюркологические исследования велись еще в двух университетах страны. В Кабинете балканистики Брненского университета тюрколог-историк Й. Кабрда успешно работал над изучением османско-турецких источников, связанных с историей Балканских стран; после кончины ученого в 1968 г. исследования по тюркологии в этом университете не были возобновлены. В Братиславском университете два учебных года подряд (1969—1970 и 1970—1971 гг.) для студентов-арабистов и славистов еженедельно (2—4 часа) читался факультативный курс современного турецкого языка. К числу студентов, прослушавших этот курс, принадлежат В. Копчан и М. Одран.

Перспективы развития тюркологии в Чехословакии ныне оказываются связаны с проходящей в последние годы широкой реорганизацией исследовательской работы в университетах и в Чехословацкой Академии наук. В результате происходящих преобразований интенсифицируются тюркологические исследования в Институте востоковедения ЧСАН и в Кабинете ориенталистики САН. В настоящее время разрабатываются перспективные планы в следующих направлениях: филология (Л. Гржебичек), изучение истории османско-турецкой литературы в связи с историей Турции (З. Весела), новейшая история Турции и современная турецкая культура (Н. Зимова), османско-турецкие исторические источники и палеография (В. Копчан), современная турецкая литература и фольклор (К. Целна-

¹ См. об этом: И. Б л а ш к о в и ч, Современное состояние и перспективы развития тюркологии в Чехословакии, ВЯ, 1963, 5.

рова). В ходе исследовательской работы расширяются и укрепляются контакты с зарубежными коллегами, прежде всего — с советскими тюркологами, с достижениями которых ученые Чехословакии знакомятся систематически.

2. Высшее образование новые кадры тюркологов получают только в Карловом университете, подготовка аспирантов ведется во всех трех учреждениях. Обучение в Карловом университете длится пять лет (предметам по специальности отводится 10—12 часов в неделю). В первые годы обучения читаются курсы грамматики турецкого языка, истории турецкой литературы, истории Османской империи и новейшей истории Турции; на старших курсах — лекции о происхождении и предьстории турков; слушателей знакомят также с тюркскими языками народов Советского Союза и историей литератур тюркских народов, а также с османско-турецкой палеографией.

Число студентов планируется Министерством школ ЧССР в зависимости от потребностей государства. Каждый четвертый год проводится новый набор (4—5 студентов). За период с 1963 г. по 1973 г. Карлов университет выпустил 15 человек, из которых 4 получили звание доктора; из числа выпускников университета предшествующего периода трое получили ученую степень кандидата наук. Они принимают активное участие в педагогической работе в Карловом университете.

Помимо штатных сотрудников, в учебном процессе принимают участие также внештатные работники: В. Галикова, получившая тюркологическое образование в Ленинграде, преподавала в 1965/1966 гг. узбекскую грамматику; А. Бротанкова преподавала в 1966/1967 гг. грамматику казахского языка; разговорную практику по турецкому языку в 1966/1968 гг. вел М. Йеткин и в 1969—1971 гг. М. Алдемир.

3. С подготовкой студентов была связана работа над основными учебными пособиями (по крайней мере, для младших курсов). В настоящее время изданы два учебника по современному турецкому языку для начинающих². На старших курсах используются грамматические труды советских тюркологов (В. А. Гордлевского, Н. К. Дмитриева, А. Н. Кононова, Э. В. Севортяна, Н. А. Баскакова и др.), а также некоторые основные пособия западных авторов³.

4. В университете наряду с педагогической деятельностью ведется научно-исследовательская работа в области тюркологии, главным образом по тем направлениям, которые тесно связаны с исследованиями истории Чехословакии. Особенное внимание уделяется изучению письменных памятников периода османско-турецкого господства в Словакии (1543—1686), а также топонимов старотюркского происхождения.

Много ценных языковых памятников периода османско-турецкого господства в Словакии сохранилось как в отечественных, так и в зарубежных архивах⁴. В 60-х годах были обнаружены новые турецкие рукописи. Две из них — исторические труды (Mustafa Zühdi «Tarih-i Uyvar», 1663, fol. 1—86 и Mehmed Necati «Tarih-i feth-i Uyvar», 1665, fol. 1—51), а пять — различные переписные дефтеры (Defter-i mufassal-i eyalet-i Uyvar) из области Нове Замки, датируемые 1664 годом. Изучение этих рукописей показало, что помимо большого числа ценных исторических данных они содержат целый ряд ранее неизвестных слов, выражений и понятий. Нуж-

² J. Blaskovics, Učebnice turečtiny. D. I, Praha, 1964, 2-е изд.—1970; L. Hřebíček, Malá učebnice turečtiny, Praha, 1969.

³ Например: «Philologiae Turcicae fundamenta», I, Wiesbaden, 1959.

⁴ См. об этом мою статью: «Some notes on the history of the Turkish occupation of Slovakia», «Acta Universitatis Carolinae», Philologica, I, Orientalia Pragensia, Praha, 1960.

но было установить этимологию этих слов и объяснить их значения. Например, *başa* (из тур. *beşe* «старшина, начальник»), *yönge* («унция»), *bedel-i kismet* («пошлина за наследство», букв. «сбор за судьбу»). Кроме того, из указанных текстов удалось извлечь значительную информацию о фонетических и морфологических явлениях в османско-турецком языке того периода⁵.

В налоговых списках (*defter*) и кодексах (*kanunname*) XVI — XVII вв. среди наименований сельскохозяйственных продуктов встречается *kvkl* (كوكل), десятую часть (*öşr*) которого крепостные должны были отдавать феодалу. *kvkl* прежде считалось неизвестным словом или же читалось как *gönül* «сердце», «любовь», «согласие». Привлечение большого числа источников позволило трактовать это слово как *gügül* «кокон тутового шелкопряда»⁶. Происхождение и этимология слова *kuruc* (лат. *crux* «крест» > тур. *kurus* > словац., венг., нем. *kuruc*) установлено также на основе данных, содержащихся в турецких исторических грамотах, которые хранятся в архивах ЧССР⁷.

5. Другая область тюркологии, связанная с изучением истории ЧССР — это топонимика. На территории Чехословакии уже с VI — VII вв. поселились большие или меньшие этнические группы и остатки тюркских племен (авары, хазары, печенеги, половцы и т. п.). Несколько десятков топонимов, оставшихся от них на территории Словакии, до последнего времени не были этимологизированы. В 1972 г. удалось установить этимологию двадцати восьми таких топонимов⁸.

6. В сфере нашей научно-исследовательской деятельности находятся проблемы турецкой лингвистики. Например, в турецком языке, как и в диалектах некоторых тюркских языков Советского Союза, конечный сонорный *r* (особенно в словах с палатальным вокализмом — например, *gelir, gelmiştir, gör, öbür, benzer*) произносится несколько иначе, чем в анлауте и авлауте (ср. *rica, rüzgâr, bira, eren, örnek, örümcek*). Исследователи обращали внимание на это явление, но попыток определить и идентифицировать его не делалось. Тщательный фонетический анализ позволил установить, что этот тип сонорного близок дрожащему переднеальвеолярному сонорному, известному в фонетической литературе как «чешский *ř*». Тем самым удалось приблизиться к решению некоторых вопросов ротацизма в тюркских языках. Сонорный *ř* в чешском возник в результате палатализации *r* ($r > ř > ř$); конечной фазой этого развития является звук *z* или *ž*. Подобное фонетическое изменение могло иметь место и в тюркских языках (ср.: *gör* — «видеть» ~ *göz* «глаз», *semir* — «толстеть» ~ *semiz* «толстый, тучный», ср. чувашск. *văkăr* «вол» и тур. *öküz* и т. д.)⁹.

Важным центром, объединяющим в себе исследование различных востоковедческих дисциплин, является Институт востоковедения ЧСАН в Праге. Здесь большое внимание уделяется количественным методам описания тюркских языков. Л. Гржебичек при описании синтаксиса турецкого языка использовал некоторые понятия теории графов, причем графиче-

⁵ Эта информация обобщена во введении к кн.: J. Blaškovič, *Rimavská Sobota v čase osmanskotureckého panstva*, Bratislava, 1974 и в статье «Die Osmanisch-Türkische in Donaauraum im 17. Jhd.» «Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients», V, (Berlin, 1974).

⁶ J. Blaškovič, «Gönül» — Gügül, в сб. «Asian and African studies», I, Bratislava, 1965.

⁷ См.: е г о ж е, *Türkische Quellen, das Wort kuruc betreffend*, «Studia Turcica», Budapest, 1971.

⁸ См. наши статьи: «Топонимы старотюркского происхождения на территории Словакии», ВЯ; 1972, 6; «Alte türkische Ortsnamen in der Slowakei» (в печати).

⁹ См.: Y. Blaškovič, «R» sessizin söylenişi, в кн.: «X. Türk Dil Kurultayında okunan bildiriler», Ankara, 1964.

ская модель проверяется статистическими сигнификативными тестами¹⁰. Ученый занимается также стилеметрическим анализом творчества Абая Кунанбаева в различных аспектах — начиная с эвфонии и эстетической функции гармонии гласных и кончая лексикой произведений поэта¹¹. Кстати, один из разделов казахской лексики — русизмы — явился предметом специального изучения автора¹².

Несколько статей Л. Гржебичек посвятили изучению различных уровней турецкого языка: его внимание привлекли некоторые черты генеративной системы турецкого языка, омонимические синтаксические конструкции в аспекте генеративно-дескриптивном, фонологическая структура турецких слов и метод семантического анализа турецкого текста¹³. В последние годы интересы ученого тяготеют к сфере строения слова — специально исследована фонетическая структура начальных слогов в некоторых тюркских языках, а также структура корневых морфем в узбекском¹⁴.

Разрабатывая проблемы общего языкознания, Й. Крамский широко привлекает также материалы тюркских языков; им изучались вопросы тюркского артикля, аккузатива (вин. определенный и неопределенный), причастия¹⁵. Ученому принадлежит также ряд рецензий на некоторые грамматики современных тюркских языков¹⁶.

Болгаровед М. Одран, работающий на кафедре славистики Братиславского университета, занят исследованием тюркизмов в словацком языке¹⁷.

7. Обзор трудов чехословацких тюркологов будет неполным, если не сказать хотя бы несколько слов об исследованиях в других областях тюркологии. Библиографический перечень тюркологических работ, изданных в период 1963—1973 гг., насчитывает 115 названий (сюда не включено более двухсот рецензий на научные публикации). Заметное место в этом перечне занимают работы исторические (58, из них две — большие монографии), прежде всего — посвященные периоду османско-турецкого господства в Словакии. Обработка турецких исторических грамот и других письменных памятников является неотложной задачей тюркологов в Чехословакии. Работ литературно-исторического характера издано 22, исследований по фольклору — 8, языковедческих трудов 27.

¹⁰ L. Hřebíček, Turkish grammar as a graph, «Dissertationes Orientales», 31, Prague, 1971.

¹¹ См., например: L. Hřebíček, Euphony in Abay Kunanbayev's poetry, «Asian and African studies», I; е г о ж е, Aesthetic function of vocal harmony in the poetry of Abay Kunanbayev, АО, 32, 1964, стр. 100—103; Л. Г р ж е б и ч е к, О некоторых количественных свойствах лексики Абая, «Вестн. АН КазССР», 4, 1964.

¹² L. Hřebíček, Russian borrowings in Kazakh, АО, 34, 1966.

¹³ См.: L. Hřebíček, Some features of the Turkish generative system, «Linguistics», 28, Hague, 1966; е г о ж е, Several Turkish homonymous constructions and their generative description, АО, 39, 1971; е г о ж е, The phonological structure of the Turkish words, «Asian and African studies», III, Bratislava, 1967; е г о ж е, A method of semantic analysis of the Turkish text, АО (в печати).

¹⁴ L. Hřebíček, The phonemic structure of the first syllable in several Turkic languages, Szeged, 1970; е г о ж е, The Turkic first syllable its correlation analysis, АО, 41, 1973; е г о ж е, The structure of the Uzbek stem-morpheme, АО, 35, 1967.

¹⁵ Й. Крамский, К проблеме артикля, ВЯ, 1963, 2; J. Krámský, Some ways of expressing the category of definiteness, «Travaux linguistiques de Prague», 3, 1968; е г о ж е, The article and the concept of definiteness in languages, The Hague — Paris, 1972; е г о ж е, A typological study of morphological homonymy in language, «Acta linguistica Hafniensia», X, 1, 1972.

¹⁶ Рец. на кн.: Ll. B. Swift, A reference grammar of modern Turkish (АО, 32, 1964); A. Sjöberg, Uzbek structural grammar (там же); R. J. Herbert, N. Porre, Kirghiz manual (АО, 34, 1966).

¹⁷ См.: М. Одран, Тюркские лексические элементы в словацком языке. АКД, Баку, 1969.

На языках мирового значения публикуются научные статьи чехословацких тюркологов, в распоряжении которых имеются два научных журнала: «Archív orientální» (с 1953 г. его издает Чехословацкая Академия наук) и «Asian and African studies» (с 1965 г. издает Словацкая Академия наук).

Одной из важнейших задач является популяризация научных знаний. Деятельность чехословацких тюркологов в этой области разнообразна и широка. Общее число популярных, научно-популярных и информативных публикаций достигло ста, причем восемь из них — книги. Переводы художественных произведений малых форм (с турецкого, казахского, азербайджанского, узбекского, татарского и шорского языков), биографии советских тюркоязычных писателей, репортажи, различные сообщения, информации и т. п. печатаются в популярном ежемесячном журнале «Nový Orient» (издается с 1945 г.) и некоторых других журналах и газетах.

Как показывает краткий обзор, чехословацкие тюркологи ведут разностороннюю и многообразную работу. Охватывая все области тюркологии, их деятельность развивается главным образом в тех направлениях, которые связаны с потребностями изучения истории Чехословакии. Мы стремимся также ознакомить широкие круги общественности с результатами научных изысканий, информировать об актуальных проблемах и событиях современной Турции, способствовать культурному сближению с тюркоязычными народами Советского Союза.

Перевел с чешского Л. Н. Смирнов